ВОСПОМИНАНІЕ

о Григоріѣ Аѳанасьевичѣ Поповомъ.

Въ прошломъ 1865 году Ноября 3-го дня скончался въ Пензѣ семидесяти — одно — лѣтній старецъ, бывшій учитель Пензенской Семинаріи, Григорій Аѳанасьевичь Поповъ. Священноцерковнослужители Епархіи, учившіеся въ Пензенской Семинаріи между 1820 и 1840 годами, безъ сомнѣнія помнятъ почившаго и съ любовію вознесли бы о упокоеніи его души свои молитвы: но едва ли многіе знаютъ о его смерти. Поэтому мы, при приближеніи дня годовой памяти его, и рѣшились сообщить читателямъ наши о немъ воспоминанія, слѣдуя старинному мудрому изрѣченію: ,,лучше поздо, чѣмъ никогда!"

За годъ, или за два и за три назадъ жители Пензы могли видѣть на нижней покровской улицѣ и переулкахъ, идущихъ отъ оной къ Семинаріи и соборной площади, слѣпаго благообразной наружности старца, съ длинною и широкою сѣдо́ю бородою, въ сопровожденіи старухи, а иногда одного, са палкою въ рукѣ, ощупью пробирающагося вдоль тротуаръ и стѣнъ строеній. Фуражка на немъ темнозеленаго сильно потертаго сукна съ красными кантами, камлотовое пальто, на подобіе длиннаго капишона отъ старинной шинели, темнозеленаго же цвѣта, съ бархатнымъ воротникомъ, мѣстами продырявленное и заштопанное бѣлыми нитками; худые на ногахъ сапоги, изъ которыхъ едва не выглядываютъ пальцы. Это Григорій Аѳанасьевичь Поповъ, бывшій учитель Математики въ

Пензенской Семинаріи. Онъ идетъ изъ своей бѣдной квартиры, которую занимаетъ за рубль серебромъ въ углу кухни одного не богатаго мѣщанина, къ Отцу Ректору Семинаріи, или другимъ извѣстнымъ ему благотворителямъ, чтобы выпросить отъ ихъ щедротъ рубль, или полтину на пудъ муки, соль, или говядину. Семирублевая его пенсія давно забрана впередъ и издержена; а ѣсть нечего, да и ухаживающую за нимъ старуху, которая по давней преданности не оставляетъ слѣпаго и больнаго старика. кормить надобно.

Въ Августѣ прошедшаго года благотворительная любовь Отца Ректора предложила было ему пріютъ и столъ въ управляемомъ монастырѣ. И Григорій Аѳанасьевичь уже мечталъ, какъ ему будетъ покойно въ тихомъ монастырскомъ убѣжищѣ, какъ болѣзнь его усилилась, а 3-го Ноября онъ отошелъ изъ своего бѣднаго земнаго пріюта въ богатыя небесныя обители.

Такъ кончилъ дни свои человѣкъ, которому и прекрасныя природныя дарованія и образованіе, по видимому, обѣщали лучшій удѣлъ жизни. Впрочемъ не красно было и начало этихъ дней.

Родившись въ 1794-мъ году отъ Священника города Калуги, Григорій Аѳанасьевичь сдѣлался сиротою, едва вышедъ изъ лѣтъ младенчества. Мать его, не имѣя средствъ жизни и воспитанія своего сына, переселилась на жительство въ Москву, гдѣ имѣла роднаго брата, служившаго Ключаремъ и Протоіереемъ въ одномъ изъ Московскихъ Соборовъ, Попеченію этого — то дяди и обязанъ былъ онъ своимъ образованіемъ, которое, послѣ домашняго обученія грамотѣ, получилъ въ Московской Семинаріи и

потомъ въ Московской же духовной Академіи. Одинъ эпизодъ изъ Семинарской жизни Григорія Аѳанасьевича довольно ярко характеризуетъ въ немъ пылкую до поэтичности и вмѣстѣ добрую душу.

Въ 1812 году предъ нашествіемъ французовъ на Москву, когда формировалось Московское земское ополченіе, Генералъ — Губернаторъ Москвы сдѣлалъ приглашеніе воспитанникамъ Семинаріи поступать въ ополченіе. Ректоръ Семинаріи призываетъ къ себѣ Григорія Попова, который былъ первымъ ученикомъ въ Богословскомъ классѣ и поручаетъ ему объявить товарищамъ приглашеніе Генералъ-Губернатора. Приглашеніе объявлено: но товарищи отозвались на него неохотно. Тогда Поповъ, зная, что примѣръ убѣдительнѣе словъ, беретъ листъ бумаги и первый записываетъ свое имя въ ряды ополченцевъ, хотя и сознавалъ себя неспособнымъ къ военной службѣ по причинѣ сведенія правой руки отъ высохшей жилы. Вслѣдъ за любимымъ товарищемъ явилось множество охотниковъ въ ополченіе: и такимъ образомъ Московская Семинарія не отстала въ чувствѣ патріотизма отъ свѣтскаго общества Москвы и цѣлой Россіи. Какъ принялъ вступленіе Григорія Аѳасьевича въ ряды ополченцевъ дядя его, мы не знаемъ, но знаемъ, что скоро Григорій Поповъ въ офицерскомъ мундирѣ во главѣ ополченской фурштатской команды провожалъ его въ Ярославль и Вологду, куда онъ по должности ключаря собора отвозилъ соборную церковную утварь, спасая отъ угрожавшаго Москвѣ опустошенія.

По распущеніи Московскаго ополченія, Григорій Поповъ изъ рядовъ ополченцевъ снова вступилъ въ ряды Семинаристовъ, а въ 1814 году при открытіи Московской

духовной Академіи по новому образованію, перешелъ въ число студентовъ оной. Кажется, въ Академіи студентъ Поповъ первые четыре года занимался не совсѣмъ усердно; потому что по окончаніи курса въ 1818 году онъ не получилъ искомой ученой степени и остался въ старшемъ, Богословскомъ отдѣленіи на повторительный курсъ. Въ 1820 году оконченъ и этотъ повторительный курсъ, второй курсъ М. Д. Академіи. Григорій Поповъ Конференціею Академіи причисленъ къ 1-му разряду студентовъ оной. Но обозрѣвавшій въ то время Академію Тверской Архіепископъ (нынѣ Митрополитъ Московскій) Филаретъ, потому ли, что въ числѣ наставниковъ Попова на повторительномъ курсѣ были его товарищи по первому курсу (1), или почему другому, усомнился въ оцѣнкѣ его успѣховъ и предложилъ жребіемъ рѣшить вопросъ — Магистромъ или Кандидатомъ выпустить Попова. Жребій брошенъ, и указалъ быть Григорію Попову Кандидатомъ. Такимъ образомъ ученую степень Кандидата Григорій Аѳанасьевичъ получилъ въ Академіи, какъ бы, изъ рукъ Самаго Бога.

Въ 1820 году Сентября 18 дня Кандидатъ Григорій Поповъ Коммисіею Духовныхъ училищъ назначенъ учителемъ словесныхъ наукъ въ Пензенской Семинаріи, и прибылъ въ Пензу вмѣстѣ съ покойнымъ Андреемъ Лукичемъ Овсовымъ, такъ же воспитанникомъ втораго курса (2); въ томъ же году Декабря 4 дня опредѣленъ Секре-

(1) Доброхотовъ, Делицынъ, Голубинскій.

(2) Въ № 15 П. Е. В. на стр. 522 пр. (1) Андрей Лукичь Овсовъ отнесенъ къ числу наставниковъ Семинаріи,

таремъ Семинарскаго Правленія; а 9 Сентября 1822 года Академическимъ Правленіемъ переименованъ въ учителя Физико — Математическихъ наукъ и Еврейскаго языка, въ каковой должности онъ и оставался въ Семинаріи по самый день увольненія своего отъ службы, т. е. до 10 Ноября 1838 года. Считаемъ здѣсь излишнимъ входить въ подробности послужнаго списка покойнаго Григорія Аѳанасьвича. Скажемъ только, что въ продолженіи своей училищной службы, кромѣ должности учителя Математики, Физики и Еврейскаго языка, онъ попеременно проходилъ должности Секретаря, эконома и помощника Инспектора Семинаріи; былъ членомъ временной Коммисіи при перестройкѣ уѣзднаго и приходскаго училищь и нѣсколько разъ былъ командированъ для обозрѣнія училищь Камышенскихъ, Саратовскихъ, Петровскихъ и Нижеломовскихъ. Въ Аттестатѣ о службѣ, выданномъ покойному Григорію Аѳанасьевичу изъ Пензенскаго Семинарскаго Правленія отъ 17 Марта 1839 года, сказано, что онъ ,,какъ наставническую, такъ и всѣ другія должности, на него возлагавшіяся, исправлялъ успѣшно при поведеніи похвальномъ. Впрочемъ мы должны сознаться, что подробностей о прохожденіи Григоріемъ Аѳанасьевичемъ другихъ должностей, кромѣ наставнической, не знаемъ; но, какъ наставника и какъ человѣка, мы хорошо знали покойнаго.

прибывшихъ въ Пензу съ В Ѳ. Алявдинымъ въ 1818 году, т. е. послѣ окончанія 1 курса М. Дух. Академіи, — это допущено по ошибкѣ. Ред.

Математическія науки Григорій Аѳанасьевичь зналъ въ совершенствѣ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣми познаніями, какія требуются отъ наставника Математики въ Семинаріяхъ, и преподать свои познанія онъ умѣлъ съ ясностію и живостію вполнѣ достаточными; но по мягкости своего сердца и по уклончивости характера, онъ не могъ заставить учениковъ заниматься предметами его преподаванія съ должнымъ усердіемъ и вниманіемъ. Онъ дѣло свое дѣлалъ, почти не обращая вниманія на то, слушаютъ ли его ученики, или нѣтъ. Вошедши въ классъ, послѣ молитвы, онъ бралъ мѣлъ, подходилъ къ доскѣ, писалъ теорему и начиналъ ее доказывать; ученики между тѣмъ предоставлялись сами себѣ, — кому угодно слушать, слушай, кому не угодно, какъ хочешь. Отъ того ученики его вообще не слишкомъ отличались любовію къ Математикѣ. Бывши ученикомъ покойнаго, я хорошо помню, какъ иногда 4-ре или 5-ть человѣкъ, окруживши доску, слушали Математическія выкладки Григорія Аѳанасьевича, которыя онъ производилъ со всѣмъ жаромъ любителя науки; а прочіе шумѣли, разговаривали, читали, спали и проч. и пр.... Случалось, что въ классѣ сдѣлается слишкомъ шумно; и тогда Григорій Аѳанасьевичь, обратившись къ шумящимъ, попроситъ *покорнѣйше* сидѣть тише, или скажетъ: „господа, если не хотите слушать, идите лучше домой, а мнѣ не мѣшайте:“ И пойдутъ одинъ по одному, и останется пять — десять человѣкъ въ классѣ, съ которыми Григорій Аѳанасьевичь и занимается совершенно спокойно.

При такомъ порядкѣ ученія естественно, что ученики сильно трусили при наступленіи экзаменовъ, особенно

когда ожидали ревизора. Но Григорій Аѳанасьевичь никогда не робѣлъ. ,,Чего вы, господа, трусите, говорилъ онъ обыкновенно; вызовутъ — смѣло иди къ доскѣ, бери мѣлъ и пиши на доскѣ, что я буду говорить; а тамъ Богъ поможетъ!" И дѣйствительно Богъ помогалъ, — все какъ -- то сходило съ рукъ. Только въ послѣднюю при его службѣ ревизію, производившуюся въ 1838 году Баккалавромъ М. Д. Академіи Іеромонахомъ Филоѳеемъ (нынѣ Преосв. Арх. Тверской), намъ не посчастливилось: и Григорій Аѳанасьевичь за малоуспѣшность учениковъ былъ уволенъ отъ службы съ назначеніемъ пенсіи 300 руб. ассигнаціями, т. е., одной трети годоваго его оклада жалованья, какъ прослужившій только 18-ть лѣтъ.

Говоря о безуспѣшности учениковъ Григорія Аѳанасьевича, я не желаю накинуть какой либо тѣни на степень усердія къ своему дѣлу покойнаго. Причина этой безуспѣшности, какъ я уже сказалъ, скрывалась въ слишкомъ деликатномъ отношеніи къ лѣнивымъ ученикамъ; хотя и случалось, конечно, (и это было въ духѣ того времени) Григорію Аѳанасьевичу манкировать классами: но онъ вообще любилъ свою науку и съ желающими учиться охотно занимался нетолько въ классѣ, но и дома. При этомъ я не могу съ истинною признательностію къ почившему наставнику не упомянуть объ одномъ эпизодѣ изъ собственной моей ученической жизни. Въ началѣ Философскаго курса занявшись Математикой усердно, я вскорѣ какъ — то охладѣлъ къ ней и совершенно бросилъ занятіе, остановившись на уровненіяхъ 1-й степени и параллельныхъ линіяхъ. Но къ концу курса вдругъ въ юной головѣ родилась мысль готовиться въ университетъ;

тутъ я пожалѣлъ о пропущенныхъ урокахъ Математики, и объяснилъ свою скорбь Григорію Аѳанасьевичу. „Такъ чтоже, сказалъ онъ, ходите ко мнѣ на домъ, мы съ вами живо догонимъ вашихъ товарищей!“ И я ходилъ мѣсяца два, раза по три въ недѣлю по вечерамъ, занимаясь каждый разъ часа по два; и нетолько догналъ, но и опередилъ товарищей. Во все это время Григорій Аѳанасьевичь съ истинно — отеческою любовію занимался со мною и еще, помнится, съ товарищемъ моимъ, покойнымъ Иваномъ Звѣздинымъ. Я слышалъ, что и по выходѣ Григорія Аѳанасьевича изъ Семинаріи, многіе воспитанники Семинаріи, готовившіеся къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, пользуясь добротою души покойнаго и любовію его къ Математическимъ наукамъ, подобно мнѣ обращались къ его помощи, — и онъ училъ желающихъ совершенно безмездно, ради пользы ближняго и изъ любви къ наукѣ.

Между тѣмъ — жизнь Григорія Аѳанасьевича сдѣлалась очень грустною и скорбною. Предъ окончаніемъ своей учебной службы, онъ лишился жены, а съ нею и своего дома, пріобрѣтеннаго на ея имя. На остатки денегъ, вырученныхъ отъ продажи этого дома, за удовлетвореніемъ по разнымъ статьямъ завѣщанія поступившихъ въ его распоряженіе, онъ купилъ маленькій ветхій домикъ. (3)

---

(3) Изъ цѣны проданнаго дома, за уплатою долговъ и внесеніемъ завѣщанныхъ денегъ въ Пенз. Покровскую и Введенскую церковь и въ Мужескій Монастырь, осталось 356 руб., на которые и былъ купленъ домъ въ нижней Покровской улицѣ.

Жить еще есть гдѣ, но надобно кормиться. Григорій Аѳанасьевичъ пытался было опредѣлиться на службу въ Палату Государственныхъ Имуществъ; но здѣсь ему не повезло. Онъ рѣшился жить трудами своей специальности. У насъ подъ руками имѣется два Аттестата, выданные Григорію Аѳанасьевичу отъ Генералъ — Моіорши Габбе и Княгини Еникѣевой, изъ которыхъ видно, что съ 24 Февраля 1843 года по 1-е Іюня 1845 года онъ занимался въ домахъ этихъ дамъ обученіемъ дѣтей, которыхъ приготовлялъ къ поступленію въ учебныя заведенія, и занимался, какъ сказано, съ отличнымъ усердіемъ. Со второй половины 1845 года онъ безвыѣздно въ Пензѣ — сначала въ своемъ ветхомъ домишкѣ, и занимается съ приходящими къ нему па домъ дѣтьми, получая отъ нихъ незначительное пособіе жизни въ дополненіе къ скудной своей пенсіи. Потомъ, когда зрѣніе начало измѣнять ему, и бѣдность начала сильнѣе стучаться, онъ долженъ былъ продать этотъ домишка, и остаться въ кухнѣ онаго въ званіи квартиранта за 1 руб. въ мѣсяцъ, гдѣ мы и видѣли его въ началѣ нашего разсказа.

Отселѣ начинается послѣдній періодъ грустной жизни Григорія Аанасьевича; — она становится безотрадною. Зрѣніе день отъ дня слабѣетъ; наконецъ онъ ослѣпъ совершенно. Нечего говорить, какъ тяжела потеря этого органа для того, кто привыкъ къ умственной жизни. Знакомые, какіе прежде были у него, давно оставили бѣднаго старика; теперь онъ лишился и послѣдней отрады — читать книги и заниматься съ дѣтьми. Одна старуха, ходившая за нимъ, пе оставляла его до самой смерти, и еще бѣдный чиновникъ Н. Н-чь К — совъ, жившій въ со-

сѣдствѣ и сохранившій къ нему навсегда чувство благодарности за обученіе его дѣтей. Вотъ все общество, въ бесѣдѣ съ которымъ отдыхалъ душею утружденный жизнію старецъ. А бѣдность день отъ дня становилась назойливѣе. Теперь онъ долженъ жить на 7 руб. 14¼ копѣекъ мѣсячной пенсіи безъ всякаго къ ней подспорья, которое прежде доставляли учившіеся у него дѣти; цѣны на всѣ потребности жизни возвысились. По сему, едва получалъ онъ свою пенсію, какъ она вся уже безъ остатка оказывалась въ расходѣ. А между тѣмъ привычка выпить чашку чаю сохранилась; да и безъ говядины старику голодно. И вотъ онъ шелъ къ Эконому Семинаріи, не льзя ли отъ него выпросить пенсію за слѣдующій мѣсяцъ впередъ; а за тѣмъ къ своимъ благодѣтелямъ. И съ какою благодарною любовію получалъ онъ отъ нихъ рубль, или даже нѣсколько копѣекъ! Съ какою радостію встрѣчалъ у себя жену сосѣда Н. Н — ча К — сова, почтенную Анну Евграфовну, когда она приносила ему огурчиковъ, крынку молока, или кусочикъ пирожка.

Но Григорій Аѳанасьевичъ переносилъ бѣдность свою съ истинно христіанскимъ великодушіемъ, и подъ конецъ жизни всецѣло предался Богу. Онъ никогда и ни на кого не роппалъ. Нѣсколько разъ въ продолженіи дня становился на молитву — по утру, въ вечерню, въ 10 или 11 часовъ вечера и даже ночью, — и продолжительно читалъ въ полголоса на память молитвы. Сосѣдка А. Евг — на въ 4 часа по полудни, приходя къ нему съ какимъ нибудь гостинцемъ. нерѣдко находила его стоящимъ предъ иконами и читающимъ въ слухъ покаянную молитву Давида: „Помилуй мя Боже по велицей милости Твоей:“ Такъ

проводилъ послѣдніе дни свои Григорій Аѳанасьевичь: помолится походитъ по избѣ, полежитъ, выдетъ на дворъ — посѣдитъ *на солнушкѣ*, и опять въ свой уголъ. И радъ радъ, если удастся ему съ кѣмъ нибудь побесѣдовать о Богѣ, или о своей прошедшей жизни. При семъ онъ до конца жизни сохранилъ въ бесѣдѣ свое природное остроуміе. (4)

Наконецъ дни бѣднаго странника жизни приблизились къ концу. Онъ началъ страдать разстройствомъ желудочныхъ органовъ и упадкомъ силъ; а 3-го Ноября прошлаго года послѣ напутствованія Святыми таинствами вѣры, спокойно и съ упованіемъ на безконечное милосердіе Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, предалъ духъ свой Богу.

Знавшіе его начальники и наставники Семинаріи по подпискѣ собрали нѣсколько рублей, чтобы похоронить безпріютнаго старца. А добрый нашъ Архипастырь, Преосвященный Антоній, Епископъ Пензенскій и Саранскій, бывшій нѣкогда ученикомъ покойнаго, почтилъ память его служеніемъ при его погребеніи Литургіи и совершеніемъ послѣдняго отпѣванія. Нѣсколько человѣкъ прежнихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, въ томъ числѣ два бывшихъ ученика, проводили тѣло усопшаго до Пензенскаго мужескаго монастыря, гдѣ и покоится оно до радостнаго утра всеобщаго воскресенія.

Миръ праху твоему добрый человѣкъ и безропотный страдалецъ жизни.

Протоіерей Іаковъ Бурлуцкій.

1866 года
Октября 28 дня.

---

(4) Григорій Аѳанасьевичь отличался всегда остроуміемъ. Вотъ образчикъ такаго остроумія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, еще владѣя зрѣніемъ, разъ пришелъ онъ въ Семинарію, и зашелъ къ жившему тамъ наставнику; у того былъ гость — проѣзжавшій въ Саратовскую Семинарію наставникъ. Хозяинъ рекомендуетъ Григорію Аѳанасьевичу гостя: „проѣзжающій профессоръ": Григорій Аѳанасьевичь повернулся предъ гостемъ, шаркнулъ ногой и, подавая руку, сказалъ, указывая на себя: „честь имѣю рекомендоваться — проѣхавшій профессоръ."